

Оригинальная статья

УДК 81-115

DOI: 10.29025/2079-6021-2020-3-82-91

**Медиалингвистические особенности российских
и американских предвыборных президентских дебатов**

А.Д. Гавриш

Московский городской педагогический университет

(Российская Федерация, г. Москва)

ORCID ID: 0000-0002-4791-5852;

e-mail: prostozachem@mail.ru

Получена: 22.07.2020

/Принята: 17.08.2020

/Опубликована онлайн: 25.09.2020

Резюме: Данная статья посвящена сравнению медиалингвистических особенностей президентских дебатов России и США. В работе анализируются эмоционально-насыщенные элементы речи российских и американских политиков, а также коммуникативные интенции, обусловленные самим форматом дебатов. Исследование проводится на материале предвыборных президентских теледебатов, проведённых в России в 2018 году и в США в 2016 году. Цель работы достигается путём применения сравнительно-сопоставительного метода и комплексного метода лексико-семантического, стилистического и эмотивного анализа. Актуальность исследования обусловлена высокой степенью значимости формата президентских дебатов в политическом медиадискурсе и интересом исследователей к изучению коммуникативного поведения языковой личности политика. Анализ фактического материала показал, что американские президентские дебаты существенно отличаются от российских, несмотря на наличие некоторых общих черт. В рамках российских предвыборных дебатов наблюдается большее по сравнению с американскими дебатами идейное и смысловое разнообразие, что способствует достижению плюрализма мнений. Американские дебаты демонстрируют идеологическое давление на проявления языковой личности политика, вынужденного действовать в рамках формально заявляемой неизбежной принадлежности к одной из двух партий. В ходе российских дебатов отмечается более живая и естественная коммуникация, насыщенная эмоциональными элементами. В американских дебатах диалог сторон осуществляется на базе педантичного следования формату. Такой диалог, по своей сути, можно охарактеризовать как дискретный набор подготовленных заранее монологических высказываний. Общей чертой для российских и американских дебатов является ожидаемость использования политиком когнитивно-эмоциональных шаблонов подачи информации.

Ключевые слова: медиадискурс, политический дискурс, языковая личность политика, имидж политика, президентские дебаты, диалог, политическая коммуникация.

Для цитирования: Гавриш А.Д. Медиалингвистические особенности российских и американских предвыборных президентских дебатов. *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. 2020. №3. С. 82–91.

Original Paper

DOI: 10.29025/2079-6021-2020-3-82-91

**Media Linguistic Features of Russian
and American Presidential Election Debates****Alesya D. Gavrish***Moscow City University**(Russian Federation, Moscow)*

ORCID ID: 0000-0002-4791-5852;

e-mail: prostozachem@mail.ru*Received: 22.07.2020**/Accepted: 17.08.2020**/Published online: 25.09.2020*

Abstract: This article is devoted to comparing of media linguistic features of Russian and American presidential debates. The emotionally-saturated elements of speech of Russian and American politicians are described in this research, and the analysis of communicative intentions due to the format of the debate itself is made. The analysis is based on the material of the presidential TV debates held in Russia in 2018 and in the United States in 2016. The aim of the research is achieved by applying a comparative method and a complex method of lexical-semantic, stylistic, and emotive analysis. The relevance of the research stems from the high degree of the importance of the format of presidential debates in the political media discourse and from the fact that many researchers are interested in studying communicative behavior of the language personality of a politician. The analysis of the material shows that the American presidential debates differ significantly from the Russian ones, though they have some similar features. Within the Russian presidential debates, there is a wider than within the American debates the variety of ideas and meanings, which contributes to the achievement of a plurality of views. The US debates demonstrate the ideological pressure on the manifestations of the language personality of a politician, who is forced to act as a part of a formally declared unavoidable party affiliation. The communication within Russian debates is more spontaneous, natural, and saturated with emotional elements. In the American debates, the dialogue between the parties is conducted based on a pedantic following the format. Such a dialogue can be characterized as a discrete set of pre-prepared monologues. A common feature of Russian and American debates is the expectation that politicians will use some cognitive and emotional reporting patterns.

Keywords: media discourse, political discourse, language personality of a politician, image of a politician, presidential debates, dialogue, political communication.

For citation: Gavrish A.D. Media Linguistic Features of Russian and American Presidential Election Debates. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*. 2020, no 3, pp. 82–91 (In Russ.).

Введение

Президентские дебаты представляют собой ценностно значимое явление политической жизни, так как сам процесс выбора Президента неразрывно связан с элементами вербального противостояния и спора. Для исследований в рамках изучения политического дискурса и поведения языковой личности политика именно дебаты представляют значительный интерес в силу того, что «особенно активное воздействие оказывается на адресата во время предвыборной кампании в процессе агитации» [1: 156]. В рамках политической медиакоммуникации дебаты присутствуют как явление во многих странах, в том числе в США и в России. Дебаты в рамках предвыборной президентской кампании в России появились практически синхронно с установлением института президентства и существуют по сей день. Центральная избирательная комиссия России определяет формат дебатов, время и порядок выступлений политиков, а также общую тематику обсуждения. Участие в президентских дебатах не является обязательным. Формат дебатов предполагает наличие ведущего, который должен мягко осуществлять контроль за соблюдением регламента выступлений. Иногда в дебатах участвуют не сами кандидаты на

пост Президента, а их так называемые доверенные лица. Кандидаты выступают по очереди трижды и имеют возможность использовать отведённое им время произвольно: строя высказывания в рамках определённой темы или оппонировав другим участникам дебатов. Государственные телеканалы обязаны транслировать президентские дебаты [2]. Первые теледебаты в рамках предвыборной президентской кампании в США прошли в 1960 году. Как правило, они сводятся к оппонированию двух кандидатов на пост президента, один из которых является представителем демократов, а другой – республиканцев. Американские дебаты условно делятся на тематические сегменты, границы между которыми определяются задающими вопросы ведущим. Так же как и в российских дебатах, время, предоставляемое оппонентам для выражения своего мнения, ограничено. Есть основания предполагать, что тематика задаваемых в ходе американских дебатов вопросов определяется заранее и может быть известна кандидатам на пост президента [3]. На дебатах присутствуют зрители, которые могут выражать своё отношение к происходящему при помощи аплодисментов, возгласов и т.п. В США также имеется традиция подводить в СМИ неформальные итоги дебатов, признавая победу одного из оппонентов на основании опросов общественного мнения.

Цель статьи

Целью статьи является сравнение медиалингвистических особенностей российских и американских президентских дебатов. В исследовании ставится вопрос о выявлении значимых эмоционально-насыщенных элементов в речи российских и американских политиков, участвующих в предвыборных президентских дебатах.

Обзор литературы

Будучи ориентированным на обращение к практически неограниченному кругу коммуникантов и использование современных манипулятивных технологий воздействия на аудиторию, политический дискурс находится в центре внимания многих исследователей: Р. Водак [4], В.З. Демьянков [5], В.И. Карасик [6], А.П. Чудинов [7], Е.И. Шейгал [8] и др. Медиапространство оказывает постоянно растущее влияние на все процессы, так или иначе связанные с политической коммуникацией. Комплексное изучение особенностей разных сфер коммуникации в рамках медиадискурса предлагается в работах Т.Г. Добросклонской [9], М.Р. Желтухиной [10], В.Е. Чернявской [11] и др. Особое место в политическом медиадискурсе занимает феномен предвыборных дебатов, который изучался в трудах О.Н. Паршиной [12] и М.Р. Желтухиной [13], которые послужили теоретической основой для данного исследования.

Методы исследования

Для проведения сравнительного анализа использован материал предвыборных президентских дебатов, проведённых в России в 2018 году и в США в 2016 году. В методологической основе работы лежит системный подход. Цель исследования достигается путём применения сравнительно-сопоставительного метода, а также комплексного метода лексико-семантического, стилистического и эмотивного анализа.

Результаты и дискуссии

В ходе анализа фактического материала выявлены следующие **отличительные особенности** американских и российских предвыборных президентских дебатов:

1. В речах политиков в рамках российских предвыборных дебатов наблюдается большее идейное и смысловое разнообразие. На наш взгляд, это связано, прежде всего, с участием в них большего количества участников, которые демонстрируют самые разнообразные способы трансляции суждений. В российских дебатах нет ограничений, накладываемых существованием двухпартийной системы, отсутствует идеологическое давление на кандидатов. В речи российских политиков во время дебатов присутствует больше стилистически окрашенной лексики, посвященной политической теме, а также шире становится палитра эмоциональных проявлений языковой личности политика, который не стеснён в выражении своей позиции. К примеру, на российских предвыборных президентских дебатах 2018 года встречались следующие высказывания: *«Мне стыдно сегодня слышать, как нас опять тащат в совок»*, *«Нам нужен совок»* (К.А. Собчак); *«Работающий человек не должен быть бедным»* (представитель Б.Ю. Титова); *«Я сейчас слушаю некоторых буржуазных кандидатов»*, *«капитализм воспитывает в своей наживе, бескультурье»* (М.А. Сурайкин); *«Я не был коммунистом, но я любил Советский Союз»*, *«Когда говорят совок – меня это возмущает»* (В.В. Жириновский) [14]; *«Нам нужно покончить с пагубным неолиберальным экономическим курсом»* (С.Н. Бабурин); *«Также говорили при монархии»*, *«демократическое г**но»* (В.В. Жириновский); *«Ударим по капитализму и американскому империа-*

лизму» (М.А. Сурайкин) [15]. Российские политики, используя в ходе дебатов простые клишированные эмоционально-когнитивные схемы, обращаются к большим лексическим массивам, основанным в конечном счёте на различных системах мировосприятия и мироощущения. Это в том числе помогает достичь большего, чем у американцев, плюрализма мнений, диктуемого потребностями российского избирателя.

Идеологическое давление на американских политиков двухпартийной системы делает их речь более шаблонной и искусственной, а лексика, описывающая систему их политических взглядов, довольно однообразна. Менее частотны в речи претендентов на пост Президента сдержанные фразы, содержащие непосредственное упоминание республиканской или демократической партии: «*With prior Republican nominees for president, I disagreed with them on politics*» (перевод: *С предыдущими республиканцами-кандидатами на пост Президента у меня были политические разногласия*); «*When I was first lady I worked with Democrats and Republicans*» (перевод: *Когда я была первой леди, я работала с демократами и республиканцами*) от Х. Клинтон, или «*I am so disappointed in congressmen, including Republicans, for allowing this to happen*» (перевод: *Я так разочарован в конгрессменах, в том числе и в республиканцах, из-за того, что они позволили этому случиться*) от Д. Трампа [16]. Американские политики демонстрируют в ходе дебатов такое языковое поведение, которое сводится к обнаружению взглядов лишь республиканской и демократической партий на ту или иную проблему. В проанализированном материале нам не удалось обнаружить таких суждений, которые были бы полностью лишены давления идеологической составляющей.

2. В качестве основной цели дебатов можно назвать стремление политика ознакомить аудиторию со своей точкой зрения по большинству актуальных вопросов таким образом, чтобы точка зрения оппонента (или оппонентов) выглядела неубедительной для аудитории [17]. Американские дебаты, проводимые по практически неизменяющемуся сценарию, позволяют медиапространству обращаться к ним в дальнейшем. Это является своего рода залогом на будущее для СМИ в виде обширных дискурсивных связей и последующих отсылок к массивам информации. Например, в ходе американских дебатов затрагиваются темы, которые остаются после их проведения «на повестке дня» в СМИ: «*ISIS conflicts*», «*solving humanitarian crisis in Syria*», «*fighting Assad-regime*», «*Pushing ISIS out of Iraq*» (перевод: «*Конфликты ИГИЛ*», «*урегулирование гуманитарного кризиса в Сирии*», «*борьба с режимом Асада*», «*Вытеснение ИГИЛ из Ирака*» (примечание: *ИГИЛ является запрещённой в России организацией*)) [16]. В российских дебатах это явление имеет место в меньшей степени, так как среди кандидатов собственно-идеологическое противостояние является частью общего, несводимого лишь к политическому дискурсу, взаимодействия [18-20]. Темы, обсуждаемые в ходе российских предвыборных дебатов, являются более широкими: речь идёт в целом о культурных ценностях, об экономике, армии, обороноспособности и перспективах развития страны.

3. В ходе американских дебатов наблюдается тенденция игнорировать информацию, которую предоставляет оппонент. Каждый кандидат как бы доносит свою часть повестки дня до аудитории, практически не реагируя на контраргументацию. К примеру, прямого ответа со стороны Х. Клинтон на высказывание Д. Трампа «*Because you'd be in jail*» не было получено (перевод: *потому что ты будешь в тюрьме*). За таким громким заявлением последовали лишь аплодисменты со стороны зрителей. Позже Д. Трамп озвучил критику деятельности Х. Клинтон «*She talks about taxes. Why didn't she do something about it? ... With her, it's all talk and no action*» (перевод: «*Она говорит о налогах. Но почему она ничего не делала в этой сфере? ... У неё одни лишь разговоры и никаких действий*») и иронично прокомментировал последствия её сотрудничества с Б. Обамой по вопросам урегулирования конфликта с запрещёнными террористическими группировками: «*now they're in 32 different nations, Hillary. Congratulations. Great job*» (перевод: *Теперь они есть в 32 разных государствах, Хиллари. Поздравляю. Отличная работа*). В ответ на всё это Х. Клинтон отреагировала лишь нейтральной фразой «*But that's not the point here*» (перевод: *Но не в этом суть*) и продолжила развивать тему охраны детского здоровья [16].

В ходе российских дебатов политикам проще уклоняться от нежелательных прямых вопросов, так как участников больше, и, следовательно, можно переключить внимание на информацию «стороннего» оппонента. Несмотря на это, всё же некоторые политики не игнорируют «неудобную» информацию, а бурно на неё реагируют. К примеру, В.В. Жириновский во время дебатов 28 февраля 2018 года всегда реагирует на обвинения в свой адрес. С.Н. Бабурин высказывается о нём: «*Я в 1993 был одним из руководителей защиты верховного совета...расстрелу которого радовался господин Жириновский и*

господин Явлинский. Рукоплескал». В.В. Жириновский незамедлительно отвечает: «Как это, когда? Зачем Вы лжёте, Бабурин? Зачем Вы лжёте? Вы лжец и подлец, Бабурин. Я этого никогда не говорил!». Отметим, что в речи В.В. Жириновского, так же как и у Д. Трампа, присутствуют многочисленные лексические повторы, которые позволяют более жёстко и чётко обозначить свою позицию. Через некоторое время В.В. Жириновский снова возвращается к теме опровержения обвинений в свой адрес, чтобы привести дополнительные аргументы в свою защиту по данному вопросу: «Зачем лгать? Зачем Бабурин говорит, что я радовался расстрелу верховного совета?», «Все могут в интернет залезть, да, это же в интернете всё есть, покажите, чтоб я радовался!» [15].

4. Можно отметить более живую и естественную коммуникацию в ходе российских дебатов. В речи российских политиков частотны оговорки: «омбундировать», «я хочу поговорить по-настоящему важных вещах» (К.А. Собчак); различные шуточные высказывания: «а шампанское не разливают» (Б.Ю. Титов), «Не выпускайте сумасшедших детей», «Вот кого привели, видите» (В.В. Жириновский); «А Вы что, заболели или откосили?» (К.А. Собчак) [15]. Также в речи политиков встречается сленг: «откаты», «троллинг», «быдло», «запудрить мозги»; просторечия и сокращения: «цас», «во», «дак», «немножко», «нету» [15]. Это свидетельствует о более спонтанном, чем у американцев, течении коммуникации во время дебатов.

5. Американские дебаты можно описать как «диалогообразный» обмен монологическими высказываниями. Российские же дебаты проходят в формате своеобразного полилога, что делает возможным построение внутри такого речевого взаимодействия специфических форм коммуникации, принципиально отличных от американских дебатов. К примеру, в дебатах 6 марта 2018 года в ходе общей коммуникации К.А. Собчак и В.В. Жириновский создали «отдельный диалог», т.е. самостоятельно живущий по отношению к заявленной теме дебатов. Свою позицию политики после конфликта на дебатах 28 февраля 2018 года построили на том, что выделили друг друга в качестве своего рода мишени для нападков и впоследствии придерживались этой позиции. На дебатах 6 марта 2018 года они спровоцировали появление «своего» центра притяжения интереса аудитории, делая акцент на личностном конфликте. Таким образом, произошла своего рода частичная подмена темы дебатов. Остальные участники дебатов в большей степени высказывались по теме, которая была определена, не включаясь в диалог между К.А. Собчак и В.В. Жириновским, что делало их позицию не столь убедительной из-за игнорирования живого процесса развивающегося конфликта. Они не вмешивались в это противостояние, позволяя высказываться и В.В. Жириновскому, и К.А. Собчак [14]. Более естественным выглядело бы либо участие в конфликте в качестве заинтересованной стороны, либо чётко выраженная вербальная позиция о неприятии такого рода конфликтов в рамках дебатов. Отстранённость от эмоционально насыщенного события могла быть истолкована частью аудитории как неспособность политика к живому сопереживанию. 28 февраля 2018 года можно было наблюдать более сложную схему нелинейно развивающегося противостояния: сначала В.В. Жириновский оппонировал К.А. Собчак, затем ей стал оппонировать М.А. Сурайкин, после чего это вновь возникшее противостояние стал активно поддерживать В.В. Жириновский: «Молодец», «Не останавливайся», «Фамилии называй» и т.п. В итоге получилась оппозиция «Собчак VS Жириновский и Сурайкин» [15].

6. Политическая жизнь США в конечном счёте сводится к достаточно стабильному функционированию двухпартийной системы. Влияние при этом иных политических сил минимально. Республиканская и демократическая партии находятся в постоянном конкурентном взаимодействии, однако аксиология этого процесса непостоянна и варьируется в широком диапазоне от реального противостояния до перформативного, подразумевающего лишь манипулятивное воздействие на целевую аудиторию. В США сложилась устойчивая практика проведения внутрипартийных дебатов, которые так же как и итоговые президентские дебаты, широко освещаются в американских СМИ. В ходе внутрипартийных дебатов решаются следующие задачи: окончательно формируется проблематика будущих финальных дебатов, апробируются способы доказательной аргументации и выявляется эффективность их влияния на целевую аудиторию, и, таким образом, в целом создаётся тематика, определяющая «демократическую» и «республиканскую» повестку дня. Доминирующая искусственная повестка дня впоследствии оказывает определяющее влияние на ход финальных президентских дебатов между двумя кандидатами от республиканской и демократической партий, так как тематика выступлений политиков уже в значительной степени определена заданным трендом [21]. В системе российских выборов отсутствует практика проведения подобных активно транслируемых в СМИ внутрипартийных дебатов. В связи с этим отсут-

ствуют и механизмы, позволяющие формировать подобную искусственную повестку дня. В ходе президентских дебатов в России не наблюдается сценарий, диктуемый внутрипартийным трендом. В связи с этим повышается конкурентность диалога между кандидатами на пост Президента, так как они вынуждены более спонтанно реагировать на заранее не определённые стимулы. Это приводит к повышению эмоциональной реактивности языковой личности политика, раскрепощает языковую личность политика, позволяя прибегать к нетривиальной аргументации и использовать элементы разговорной речи [14; 15]. Таким образом, можно отметить, что взаимодействие «большой» актуальной повестки дня, формируемой СМИ в целом, и «малой» повестки, формируемой политическим дискурсом, является принципиально различным для американской и российской медиасреды. Американский политический дискурс, на наш взгляд, формируется вокруг эффективных политических технологий, которые в ряде случаев становятся фактором, определяющим значительное количество дискурсивных связей.

Анализ практического материала позволил выявить и **общие черты** для американских и российских предвыборных президентских дебатов:

1. Ожидаемость использования политиком когнитивно-эмоциональных шаблонов подачи информации оказалась свойственна и российским, и американским дебатам. Аудитория в большей степени ожидает не столько приведение тем или иным политиком рациональной аргументации, сколько активного проявления им определённых характерных эмоций привычным для аудитории способом. Такое ожидание зависит от транслируемого имиджа языковой личности политика, ведь именно с помощью стандартизованных представлений в СМИ формируется отношение адресата к предметам или явлениям действительности [10: 58]. Например, поведение В.В. Жириновского на дебатах 28 февраля 2018 года имело высокую степень выраженности ожидаемых эмоциональных проявлений. Можно выделить следующие ожидаемые реакции:

а) категоричность суждений, выражаемая при помощи приёма гиперболизации: *«За меня голосуйте, остальных забудьте, они должны снять свои кандидатуры, иначе мы их арестуем», «Вся страна знала, что я всегда защищал», «Всё врёт», «Он кинул всех»;*

б) упоминание США в негативном контексте, даже когда предмет дискуссии не предполагает этого: *«Америка воюет со всем миром, оккупировала 150 стран, миллион американских солдат по всему миру, и Собчак это не интересуется»;*

в) использование пейоративной лексики и оскорблений оппонента: *«С улицы пришла, убирайся отсюда вообще», «Замолчи, замолчи, дура, замолчи», «Ну если она тупая? Если мозгов нету?», «Сумасшедшая дура», «Дешёвый лжец». В.В. Жириновский, демонстрируя ожидаемые реакции, тем не менее чрезвычайно разнообразен в способах донесения их до аудитории. Он действует нешаблонно и, вероятнее всего, не придерживается заранее разработанных схем, успешно импровизируя в ходе диалога. Этим достигается запоминание аудиторией его эмоционально значимых суждений, в которых когнитивная составляющая зачастую оттесняется эмоциями на второй план;*

г) стремление оставить за собой право последнего слова: *«Давайте, сталинист, последний коммунист России», «Молодец», «Да», «Не останавливайтесь», «Молодец, Максим» (комментарии В.В. Жириновского на слова М.А. Сурайкина на протяжении всех дебатов), «Вот когда моя мама выходила замуж за моего отца, она гордилась что он лейтенант... НКВД. Участник репрессии» (продолжение В.В. Жириновским чужих высказываний, например, Г.А. Явлинского, с привнесением новых смыслов) [15].*

Такое коммуникативное поведение В.В. Жириновского мы считаем характерным для него и ожидаемым оппонентами и аудиторией, что подтверждается и другими исследователями [22: 23, 27-28], [12:8].

Подобное явление наблюдается и в ходе американских дебатов. В речи Д. Трампа доминируют собственные ему лексические повторы: *«No puppet. No puppet», «You're the puppet! No, you're the puppet!», «Yeah, I doubt it. I doubt it», «And defend yourselves... And defend yourselves. And defend yourself» (перевод: «Никакой марионетки. Никакой марионетки», «Ты марионетка! Нет, ты марионетка!», «Да, я сомневаюсь в этом. Я сомневаюсь в этом», «И защищайте себя... И защищайте себя. И защищай себя»).* Также фиксируется постоянное стремление завершить свою аргументацию любой ценой и игнорировать контраргументы на фоне продолжения речи, несмотря на шум зала или возгласы ведущего [21]. Проявилось и свойственное ему использование лексики, не характерной для политического дискурса. Отметим, что в США имеются определённые традиционные взгляды на политкорректность, которые состоят в том числе в особом сдержанном лексическом оформлении мыслей медийных личностей, вы-

сказываемых публично. Д. Трамп позволяет себе прокомментировать точку зрения Х. Клинтон на проблему абортующим образом: «*Well, I think it's terrible. If you go with what Hillary is saying, in the ninth month, you can take the baby and rip the baby out of the womb of the mother just prior to the birth of the baby*» (перевод: «Ну, я думаю, что это ужасно. Если вы согласны с тем, что говорит Хиллари, то на девятом месяце вы можете взять ребенка и вырвать его из матки прямо перед его рождением») [21]. Такой способ подачи информации можно назвать шокирующей откровенностью, граничащей с цинизмом. Вероятнее всего, он призван в большей степени привлечь внимание, нежели добиться желательного отклика целевой аудитории. В целом ожидаемость проявления транслируемого имиджа языковой личности политика можно интерпретировать как признак наличия обратной связи с адресатом.

2. В рамках дебатов как в США, так и в России можно выделить такую черту, как стремление доказать свою правоту в прямом споре с оппонентом. «Преимущества дебатов велики. У претендентов есть возможность детально изложить свою позицию, используя различные риторические и психологические приёмы» [13: 46]. При этом спор между политиками не всегда имеет привычное логическое завершение. Как правило, политик просто знакомит аудиторию с подробностями своей позиции, а когда полагает, что ознакомление является достаточным, он как бы прекращает участие в споре, хотя сама логика развития ситуации предполагает его дальнейшее участие. Можно предположить, что такое ведение спора объясняется тем, что в рамках политического дискурса важна не столько формальная победа над оппонентом, сколько удовлетворение запроса целевой аудитории.

3. В целом президентские дебаты как часть политического медиадискурса отличаются от естественно протекающей дискуссии нежеланием сторон идти даже на незначительный компромисс, а также тем, что в ходе дискуссии во время дебатов ни одна из сторон не делает ни малейшего намека на само существование компромиссной точки зрения. Участники дебатов не позиционируют своё мнение как компромиссное, а, напротив, всячески эмоционально подчеркивают «точки несовпадения» [23-26]. Такого рода эмоциональный акцент может перерасти в агрессивно-навязчивое постулирование своей позиции при постоянной демонстрации готовности к вербальной агрессии.

Заключение

Сравнительный анализ медиалингвистических особенностей российских и американских президентских дебатов показал, что дебаты в России носят менее искусственный и более спонтанный характер. Естественное течение диалога в рамках дискуссии не позволяет языковой личности политика добиваться гарантированных и заранее определённых результатов. Дискурсивные связи, возникающие в процессе спонтанного диалога/полилога, более обширны, но менее прогнозируемы, что привносит в ход дебатов весьма ощутимый элемент случайности. В американских дебатах мы наблюдаем иную картину: диалог строится на основе взаимного чёткого следования формату. Такой диалог зачастую выглядит как дискретный набор заранее подготовленных монологических высказываний. Российские дебаты, напротив, дают больше свободы коммуникантам для эмоциональных проявлений. Степень выраженности таких проявлений не может быть спрогнозирована. Однако можно заметить, что в целом для российских политиков характерна более высокая концентрация эмоционально насыщенных элементов речи и большая откликаемость на поведение оппонентов. Общей чертой для российских и американских президентских дебатов является следование определённому уже имеющемуся имиджу языковой личности политика. Некоторые проявления языковой личности американского и российского политика являются ожидаемыми и стереотипными.

Список литературы

1. Желтухина М.Р. Современный медиадискурс и медиакультура воздействия. *Верхневолжский филологический вестник*. 2016;4:154-159.
2. Федеральный закон от 12.06.2002 N 67-ФЗ (ред. от 23.05.2020) Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации. Доступно по: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37119/41b265c3c2f3f0c3478d9f5e798687c1eb81737c/. Ссылка активна на 21.06.2020.
3. The commission on presidential debates. Доступно по: <https://www.debates.org/debate-history/2016-debates>. Ссылка активна на 01.07.2020.
4. Водак Р. *Язык. Дискурс. Политика*. Волгоград: Перемена; 1997;139.

5. Демьянков, В.З. *Интерпретация политического дискурса в СМИ. Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования*. М.: Изд-во МГУ им. М.В. Ломоносова, 2003.
6. Карасик В.И. *Языковой круг: личность, концепты, дискурс*. М.: Гнозис; 2004.
7. Чудинов А.П. *Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000)*. Екатеринбург: Урал. гос. пед.ун-т; 2001.
8. Шейгал Е.И. *Семиотика политического дискурса*. Волгоград: Перемена; 2000.
9. Добросклонская Т.Г. *Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиаречь*. М.: Флинта: Наука; 2008.
10. Желтухина М.Р. *Воздействие медиадискурса на адресата*. Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена»; 2014;91.
11. Чернявская В.Е. *Текст в медиальном пространстве*. М.: Либроком; 2013.
12. Паршина О.Н. *Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России*: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Доступно по: https://new-dissert.ru/_avtoreferats/01002882356.pdf. Ссылка активна на 10.07.2020.
13. Желтухина М.Р. Политический и масс-медиаальный дискурсы: воздействие – восприятие – интерпретация. *Язык, сознание, коммуникация*. М.; 2003;23:38-51.
14. Видеозапись дебатов 06.03.2018. Доступно по: https://www.youtube.com/watch?v=-X0xqC3a_Q8&list=WL&index=61&t=0s. Ссылка активна на 20.06.2020.
15. Видеозапись дебатов 28.02.2018. Доступно по: <https://www.youtube.com/watch?v=OCWwUCeuX-1I&list=WL&index=57&t=0s>. Ссылка активна на 20.06.2020.
16. Debate 09.10.2016 transcript. Доступно по: <https://www.debates.org/voter-education/debate-transcripts/october-9-2016-debate-transcript/>. Ссылка активна на 20.06.2020.
17. Tameryan T.Y., Zheltukhina M.R., Slyshkin G.G., Zelenskaya L.L., Ryabko O.P., Bodony M.A. Political Media Communication: Bilingual Strategies in the Pre-Election Campaign Speeches. *ONLINE J COMMUN MEDI*. 2019;9(4):e201921. Доступно по: <https://doi.org/10.29333/ojcm/5869>. Ссылка активна на 20.06.2020.
18. Zheltukhina M.R., Zelenskaya L.L., Ponomarenko E.B. Indicating Success with Material Symbols after the Collapse of the USSR. *VISUAL ANTHROPOLOGY*. 2020;33(2):104-115. Доступно по: <https://doi.org/10.1080/08949468.2020.1721203>. Ссылка активна на 20.06.2020.
19. Zhang K., Denisenko V.N., Ponomarenko E.B., Zheltukhina M.R., Denisenko A.V., Shiryayeva O.V. The Newest Borrowed Words and Methods of their Formation in the Russian- and Chinese-Language Internet Communication Space. *ONLINE J COMMUN MEDI*. 2019;9(4):e201924. Доступно по: <https://doi.org/10.29333/ojcm/5930> Ссылка активна на 20.06.2020.
20. Voeva-Omelechko N.B., Posternyak K.P., Zheltukhina M.R., Ponomarenko E.B., Talybina E.V., Kaliiopin A.K., et al. Two Images of Russia in the British Political Mass Media Discourse of 1991 – 1993 and 2013 – 2019: Pragmastylistic Aspect. *ONLINE J COMMUN MEDI*. 2019;9(4):e201926. Доступно по: <https://doi.org/10.29333/ojcm/5952>. Ссылка активна на 20.06.2020.
21. Debate 19.10.2016 transcript. Доступно по: <https://www.debates.org/voter-education/debate-transcripts/october-19-2016-debate-transcript>. Ссылка активна на 20.06.2020.
22. Базылев В.Н. Политический дискурс в России. *Политическая лингвистика*; 2005;15:5-32.
23. Желтухина М.Р., Гавриш А.Д. Эмоциогенность современных медиатекстов. *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. 2018;4(32):120-125.
24. Желтухина М.Р., Гавриш А.Д. Политический медиареслинг: целепологание и дискурсивные манипуляции (на примере президентских предвыборных дебатов 2016 года в США). *Политическая лингвистика*. 2018;5(71):27-31.
25. Tameryan T.Y., Zheltukhina M.R., Slyshkin G.G., Abakumova O.B., Volskaya N.N., Nikolaeva A.V. Metaphor in Political Media Discourse: Mental Political Leader Portrait. *Online Journal of Communication and Media Technologies*. 2018;8(4):377-84. Доступно по: <https://doi.org/10.12973/ojcm/3958>. Ссылка активна на 20.06.2020.
26. Tameryan T.Yu., Zheltukhina M.R., Slyshkin G.G., Shevchenko A.V., Katermina V.V., Sausheva Ye.V. New Country's Political Discourse: Formation of Speech Technologies. *Modern Journal of Language Teaching Methods*. 2018;8(8):11-18.

References

1. Zheltukhina MR. Modern Media Discourse and Media Culture of Influence. *Upper Volga Philological Bulletin*. 2016;4:154-159. (In Russ.).
2. Federal Act from 12 June 2002 N 67-FA (edit 23.05.2020) On Fundamental Guarantees of Electoral Rights and the Right to Participate in Referendums of Citizens of the Russian Federation. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37119/41b265c3c2f3f0c3478d9f5e798687c1eb81737c/. Accessed June 21, 2020. (In Russ.).
3. The commission on presidential debates. Available at: <https://www.debates.org/debate-history/2016-debates>. Accessed July 01, 2020.
4. Wodak R. *Language. Discourses. Politics*. Volgograd: Peremena; 1997. (In Russ.).
5. Demyankov VZ. The interpretation of a political discourse in mass media. The language of media as a subject of interdisciplinary research. Moscow: MSU; 2003. (In Russ.).
6. Karasik VI. *The Language Circle: Personality, Concepts, Discourse*. Moscow: Gnosis; 2004. (In Russ.).
7. Chudinov AP. *Russia in the metaphorical mirror: a cognitive study of political metaphor (1991–2000)*. Yekaterinburg: USPU; 2001. (In Russ.).
8. Sheigal EI. *Semiotics of a political discourse*. Volgograd: Peremena; 2000. (In Russ.).
9. Dobrosklonskaya TG. *Media Linguistics: Systematic Approach to Media Language Learning. Modern English Medium Speech*. Moscow: Flinta: Science; 2008. (In Russ.).
10. Zheltukhina MR. *The influence of media discourse on the addressee*. Volgograd: Peremena; 2014. (In Russ.).
11. Cherniavskaya VE. *Text in the medial space*. Moscow: Librokom; 2013. (In Russ.).
12. Parshina ON. *Strategies and tactics of speech behavior of modern political elite in Russia: auto-abstract of dis. ... Dr. philol of sciences*. Available at: https://new-dissert.ru/_avtoreferats/01002882356.pdf. 2020. (In Russ.).
13. Zheltukhina MR. Political and mass-media discourses: impact - perception - interpretation. *Language, consciousness, communication*. Moscow; 2003;23:38-51. (In Russ.).
14. Video recording of 06 March 2018 debates. Available at: https://www.youtube.com/watch?v=-X0xq-C3a_Q8&list=WL&index=61&t=0s. Accessed June 20, 2020.
15. Video recording of 28 February 2018 debates. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=OCW-wUCeuX1I&list=WL&index=57&t=0s>. Accessed June 20, 2020.
16. Debate 09.10.2016 transcript. Available at: <https://www.debates.org/voter-education/debate-transcripts/october-9-2016-debate-transcript/>. Accessed June 20, 2020.
17. Tameryan TY., Zheltukhina MR., Slyshkin GG., Zelenskaya LL., Ryabko OP., Bodony MA. Political Media Communication: Bilingual Strategies in the Pre-Election Campaign Speeches. *ONLINE J COMMUN MEDI*. 2019;9(4):e201921. Available at: <https://doi.org/10.29333/ojcm/5869>. Accessed June 20, 2020.
18. Zheltukhina MR., Zelenskaya LL., Ponomarenko EB. Indicating Success with Material Symbols after the Collapse of the USSR. *VISUAL ANTHROPOLOGY*. 2020;33(2):104-115. Available at: <https://doi.org/10.1080/08949468.2020.1721203>. Accessed June 20, 2020.
19. Zhang K., Denisenko VN., Ponomarenko EB., Zheltukhina MR., Denisenko AV., Shiryayeva OV. The Newest Borrowed Words and Methods of their Formation in the Russian- and Chinese-Language Internet Communication Space. *ONLINE J COMMUN MEDI*. 2019;9(4):e201924. Available at: <https://doi.org/10.29333/ojcm/5930>. Accessed June 20, 2020.
20. Boeva-Omelechko NB., Posternyak KP., Zheltukhina MR., Ponomarenko EB., Talybina EV., Kallipin AK., et al. Two Images of Russia in the British Political Mass Media Discourse of 1991 – 1993 and 2013 – 2019: Pragmastylistic Aspect. *ONLINE J COMMUN MEDI*. 2019;9(4):e201926. Available at: <https://doi.org/10.29333/ojcm/5952>. Accessed June 20, 2020.
21. Debate 19.10.2016 transcript. Available at: <https://www.debates.org/voter-education/debate-transcripts/october-19-2016-debate-transcript/>. Accessed June 20, 2020.
22. Basylev VN. Political discourse in Russia. *Political linguistics*. 2005;15:5-32. (In Russ.).
23. Zheltukhina MR., Gavrish AD. Emotiogenicity of modern media texts. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*. 2018;4(32):120-125 (In Russ.). Available at: [10.29025/2079-6021-2018-4\(32\)-120-125](https://doi.org/10.29025/2079-6021-2018-4(32)-120-125). Accessed June 20, 2020. (In Russ.).

24. Zheltukhina MR., Gavrish AD. Political media wrestling: goal setting and discursive manipulations (on the example of the 2016 United States Presidential election debates). *Political linguistics*. 2018;5(71):27-31. (In Russ.).

25. Tameryan TY., Zheltukhina MR., Slyshkin GG., Abakumova OB., Volskaya NN., Nikolaeva AV. Metaphor in Political Media Discourse: Mental Political Leader Portrait. *Online Journal of Communication and Media Technologies*. 2018;8(4):377-84. Available at: <https://doi.org/10.12973/ojcm/3958>. Accessed June 20, 2020.

26. Tameryan TYu., Zheltukhina MR., Slyshkin GG., Shevchenko AV., Katermina VV., Sausheva YeV. New Country's Political Discourse: Formation of Speech Technologies. *Modern Journal of Language Teaching Methods*. 2018;8(8):11-18.

Сведения об авторе:

Гавриш Алеся Дмитриевна, аспирант Института иностранных языков Московского городского педагогического университета, г. Москва, Российская Федерация.

E-mail: prostozachem@mail.ru

Адрес: 105064, г. Москва, Малый Казенный пер., 5Б. Институт иностранных языков Московского городского педагогического университета.

Bionote:

Alesya D. Gavrish, a postgraduate at the Institute of Foreign Languages of the Moscow City University, Moscow, Russian Federation.

E-mail: prostozachem@mail.ru

Address: 105064, Moscow, 5B Malyj Kazyonnyj Alley. Institute of Foreign Languages of the Moscow City University.